

LE TEMPS DES MODES

Эдуард Лимонов

Дети
гламурного
рая

О моде, стиле
и путешествиях

Москва
Альпина нон-фикшн
Глагол
2008

УДК 82-3+316.728

ББК 84+60.526

Л58

Редактор А. Шаталов

Лимонов Э.В.

Л58 Дети гламурного рая: О моде, стиле и путешествиях / Эдуард Лимонов ; – М.: Альпина нон-фикшн ; Глагол, 2008. – 360 с.: ил. – (Серия «Le Temps des Modes»).

ISBN 978-5-9614-0829-4

В новую книгу Эдуарда Лимонова вошли статьи, которые публиковались на страницах журналов *GQ*, *Rolling Stone*, *Architectural Digest*, а также те, которые были специально написаны для этой книги. Все они объединены общей темой – размышлениями писателя о том, что мы обычно называем «стилем жизни». Эдуард Лимонов уверен, что каждый человек волен выбрать себе ту жизнь, которая ему интересна, тех героев, которым хочет подражать, и тех женщин, которыми может восхищаться. Он рассказывает в книге о своем Нью-Йорке и своем Париже, о случаях, которые происходили в его жизни, о любимых фильмах и музыкантах. Книга проиллюстрирована фотографиями из архива писателя.

УДК 82-3+316.728

ББК 84+60.526

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Альпина нон-фикшн» является подразделением ООО «Альпина Бизнес Букс»

ISBN 978-5-9614-0777-8
(Серия «Le Temps des Modes»)
ISBN 978-5-9614-0829-4

© Лимонов Э., 2008
© Рыбаков А., оформление, макет, 2008
© ООО «Альпина Бизнес Букс», 2008
© Издательство «Глагол», 2008

Содержание

От автора	7
-----------	---

О ЛЮБВИ

О странностях любви	11
Жена бандита	16
Лиля и Таня	20
Space Angel	24
Простая Love Story	28
Лысая певица	32
В веселый сезон поздравлений	36
«Но я люблю тебя, Наташка...»	43

О ВОЗРАСТЕ

В современном мире красивы только девочки	51
О вишнях	56
О смерти	61
Через Москву	66
Возраст пророка	71
Мой сынок – «Центробанк»	75
Глюки и дэвы	78
Размышления о поколениях	83
Поездка в прошлое	88

О СТИЛЕ

Бомбей ты наш, Москва!	95
Портрет Дориана Грея	101
Бир сум	105
Я тоже был предпринимателем	109
Суровое наказание цифрами	113
О местах жительства	118
О вине	122
Право на устрицы	127
Вещи	132
Кирпичи для Вавилонской башни	136
Размышления о визуальном	140
Здравствуй, Кант!	144

С о д е р ж а н и е

Смерть на кинофестивале	150
Comme Il Faut	157
Дневник театрала и кинозрителя	162
Пассажир еврейского каноэ	167
Застой – гнусное тихое время пошляков	172

О ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПРИКЛЮЧЕНИЯХ

Италия	179
Римские каникулы	184
Paris versus London	187
«В дебрях старых столиц...»	191
Снился мне сад	195
Дача с «землемерами»	200
О, Петербург!	206
Сравнительная история авиаперелетов	210
Столица страха	214
Чем непостижима история?	223
Корсар Республики	227
Путь самурая есть смерть	246

О ПАРИЖЕ

Прогулки по Парижу: Jardin des Plantes	257
В «Клозери де Лиля»	262
Друзья Антуана Блондэна	268
Клер	274
На площади Сан-Сюльпис	279
Старая телефонная книжка	284
Под Эйфелевой башней	288
Давным-давно, в Париже	293
Проклятье тамплиеров	297

О МОДЕ

Дети гламурного рая	305
В платье от Сони Рикель	310
Фотографы моей жизни	315
Военные моды	319
Face control солидарности	323
«Шанель № 5»	328
Лучшая архитектура в России – тюремная...	333
Тюремные моды	336
Личная фонотека	341
Вкус и стиль	355

От автора

В этом томе собраны под одной обложкой тексты, которые я писал последние годы для глянцевого журналов: для *GQ* – который благополучно здравствует, для *OM* и украинского *XXL*, закончивших свое существования, и для некоторых других: *Rolling Stone*, *Architectural Digest*, к примеру... Самый старый материал – о короле наемников Бобе Денаре – написан в 1994 и опубликован в несуществующем ныне журнале «Амадей» тогда же...

Я не смог придумать названия, лучшего, чем «Дети гламурного рая», потому что большая часть женщин, с которыми я разделял удовольствия и тяготы жизни, в той или иной степени принадлежали к гламурному раю, т.е. к миру «фэшн». Однако в результате оказалось, что я добавил в гламурный рай тонны себя самого: тексты сплошь и рядом пред-

От автора

ставляют собой самоинтервью с Э. Лимоновым, выбалтывающим свои секреты, либо воспоминания Э. Лимонова. В общем, он болтает тут на многие темы, представление о том, какие, дает оглавление.

Когда пишешь для журналов, то вынужденно связан форматом, однако то, что болтовне поставлены границы, – дисциплинирует. Как ни странно, перечитав тексты, я обнаружил и глубокие размышления, и воспарения духа, хотя писались они в один присест.

Эдуард Лимонов

О ЛЮБВИ

О странностях любви

Первым современным европейским поэтом считается Франческо Петрарка, поэт итальянский, живший на этой земле с 1304-го до 1374 года. Писал он и по-латыни и по-итальянски. Славу первого и современного Петрарке принес сборник сонетов во славу некоей девушки Лауры, которую он встретил на благословенной земле Прованса в 1327 году, полюбил и воспел в сборнике «*Il canzoniere*». Считается, что Петрарка встретил свою Лауру в Авиньоне, средневековом городе, где сейчас проводятся театральные фестивали, а некогда около сотни лет обитали римские папы во время «Авиньонского пленения». На самом деле Петрарка встретил свою Лауру в городке Прованса под названием Фонтен-де-Воклюз.

В 1980 году, в августе, я попал в Прованс. Вообразите себе климат теплицы, южное солнце, ярко-си-

ние тени и соответствующие фруктовые запахи оранжереи. Прованс во Франции называется Midi – «Полдень», «Середина», «Полуденная земля», ну как сторона света, как «Юг» или «Север».

Благословенная земля тепла и неги и, разумеется, любви. Фонтен-де-Воклюз – зеленый и пыльный городок в скалах, что-то вроде Пятигорска. Все общество в знойные дни, само собой, стягивается к этой естественной темной луже холодной воды. Волей-неволей сидят они там на водах, пьют воду, прогуливаются у этого самого провала. Именно там, сидя у провала, Франческо, двадцати трех лет от роду, впервые увидел прошедшую вместе со стайкой девушек-подружек девочку Лауру. Ей было только двенадцать лет. Это еще не самое странное в судьбе Лауры, послужившей платонической музой-ангелом для самой яркой европейской книги Средневековья.

Love story у Франческо с Лаурой не произошло. Это известно. Но только специалисты знают, что Лаура была из рода де Сад и что через четыре столетия ее род даст рождение «божественному маркизу» де Саду, этой фамилии мы обязаны термином «садизм». Иронию, нет, саркастическую усмешку, нет, дьявольский хохот, ну да, хохот вызывает эта экстраординарная родственность: такая Лаура-девочка и монстр Донатен Альфонс. Платонические сонеты и жестокие сочинения о насилии как о главной энергии мира людей. Почему, почему один и тот же род дал два противоположнейших феномена?

Ответа нет и не будет. Следует смириться с тем, что в мире есть загадочные явления.

Или вот такая история. Старый английский университетский город Оксфорд. Примерно около 1865 года в Оксфордском университете преподает математику тридцатитрехлетний Чарлз Лютвидж

Доджсон. Это крайне эксцентричный английский джентльмен, этот Доджсон. Он долгие годы дружит с «дином», т.е. с деканом Церкви Христа Генри Джорджем Лидделлом, а еще больше – с его маленькой дочерью Алис Лидделл. Именно для нее и для двух ее подружек он рассказывает чудесные истории. В 1864 году под псевдонимом L.C. (Льюис Кэрролл) эти истории выходят отдельной книгой *Alice in Wonderland* («Приключения Алисы в стране чудес»). В 1872-м появляется вторая книга – «*Through the Looking-glass, and What Alice Found There*» («Сквозь зеркало, и Что там увидела Алиса»). Льюис Кэрролл умирает в 1898 году, так и не раскрыв свой псевдоним.

Более того, на протяжении его жизни Доджсон всегда отрицал авторство книг, опубликованных не под его именем. Общественные нравы были более строгие, чем сейчас, – в Оксфорде ты преподаешь или нет. Оксфорд ведь находился, как и сейчас, в Англии. Еще при жизни Доджсона английский суд бросил в тюрьму на два года другого эксцентричного выходца из Оксфорда Оскара Уайльда. Всего лишь по свидетельству горничной Уайльда, заявившей в суде, что видела темные пятна на простыне после встречи мистера Уайльда и его друга Бозе, сына маркиза Куинсборо.

Вот образчик прозы Доджсона:

«Вскоре Кролик заметил Алису, в то время как она стояла, с любопытством оглядываясь вокруг, и тотчас же приказал рассерженным тоном: «Мэри-Энн, что вы делаете здесь?! Идите домой немедленно и найдите на моем туалетном столике мои перчатки и носки, и носовой платок и тащите их сюда как можно быстрее!»

Без сомнения, такие истории нравятся маленьким девочкам, а маленькие девочки нравились ан-

глийскому учителю математики. Что нравились – не вызывает сомнения. Уже глубоко в XX веке человечество получило подтверждение этому. У его наследников обнаружили фотографии Чарльза Лютвиджа, он был, оказывается, еще и фотографом. Он снимал маленьких девочек неглиже, этот странный джентльмен, в том числе и Алиску, и ее подружек. Позднее фотографии были опубликованы в нескольких альбомах. По нашим современным понятиям, там ничего противозаконного нет, на этих фотографиях, но непристойность присутствует. Она создается тем эффектом, что эти мелкие леди одеты во взрослые, по нашим понятиям, одежды (тогда не было спецодежды для детей) и выглядят потому, как маленькие раздевающиеся проститутки.

Или вот еще странность любви. Юная красotka Елена Ган выходит замуж за вельможу – вице-губернатора Эриваньской провинции надворного советника Никифора Блаватского. Середина XIX века. Все удивлены и потрясены неравным браком. Вот как позднее сама Елена Петровна объясняла свой выбор:

«Я вышла замуж за старика Блаватского потому, что в то время как все молодые люди смеялись над «магическими» суевериями, он верил в них! Он так часто говорил со мной об эриваньских колдуньях, о таинственных науках курдов и персов, что я приняла его, чтобы использовать ключ к ним».

Заметим это невообразимо старомодное «приняла его», но такое точное и близкое к библейскому «познала», и сообщим, что уже в 1856 году Елена Блаватская отправилась в Тибет. Где, судя по всему, была инициирована в то учение, которое позднее объявила миру под названием «теософии». Ей было в это время двадцать пять лет. А начала она подростком.

О странностях любви

«Мой прадед со стороны матери князь Павел Васильевич Долгорукий имел странную библиотеку, содержащую тысячи книг по алхимии, магии и прочим оккультным наукам. Я прочла их с острейшим интересом, прежде чем мне исполнилось пятнадцать», – вспоминает Елена Блаватская в одном из писем.

Лаура в Фонтен-де-Воклюз, Алиса Лидделл в Оксфорде, Елена де Ган-Блаватская подростками попали в компанию страннейших джентльменов. Мораль: следует тщательно выбирать себе партнеров, девочки, джентльменов.

Жена бандита

Это было в Paris весной 1982 года. Жена художника Шемякина Рива повезла меня за город, к знакомому богачу в замок. Я взял с собой мою книгу «Дневник неудачника», чтобы подарить богачу. Мало ли на что может пригодиться богач! Было жарко. Богач был пьян. Он унижал своих слуг, жену, и к тому же оказалось, что он всего лишь преуспевающий дантист, купивший замок. Пьяный и противный, он так достал, что мы сбежали и, вернувшись в Paris, сели в первом попавшемся кафе. Неподаренная мною книга лежала на столе.

Рядом размещалась красивая пара: молодой высокий черноволосый парень, похожий на Алена Делона, и экзотическая яркогубая рыжая девушка. Пара заговорила с Ривой. Я молчал по двум причинам:

потому что был пьян и ввиду недостаточности моего французского. Потом Рива ушла домой, отошел куда-то и черноволосый парень. Мы смотрели с девушкой друг на друга и улыбались. Она попросила посмотреть книгу. Заинтересовалась. Я сказал, что книгу написал я. Она попросила почитать: «Я вам ее верну, напишите мне телефон». Она сказала, что ее зовут Розика и она болгарка. Вернулся черноволосый, и они ушли.

В последующие дни я занимался делами и долго не мог понять, кто такая Розика, когда она позвонила мне. Она сказала, что «Дневник неудачника» так ей понравился, что она хочет встретиться со мной. Она хочет прийти ко мне. Я дал адрес. Она пришла с несколькими бутылками вина. У меня была трава, мы пили, курили и смеялись. Тогда я считал своим долгом make love с каждой женщиной, которая оставалась со мной наедине. Мы стали любовниками часа через два после ее прихода.

После lovemaking она с сожалением сообщила, что хотела иметь со мной дружеские отношения, но теперь уже поздно, что поделаешь, это все трава. Мы стали встречаться. Пили вино, курили и совокуплялись, она каждый раз как бы уступала мне, нехотя. В третью нашу встречу она показала мне фотографии черноволосого юноши и ее в Биаррице. Я сказал, что они с мужем выглядят как интернациональные террористы.

– Вы красивые и загадочные, – заключил я. – К тому же ты подозрительно избегаешь появляться со мною на улицах.

Она неожиданно согласилась:

– Ты прав, Эдуард. Мой муж – югославский бандит. Он контролирует порнозаведения и клубы на улице Пигаль. Ты слышал о Бруно Шулаке? Мой муж – один из его адъютантов.

Я знал, кто такой Бруно Шулак. Это был остроумный, молодой и злой бандит, вскоре его убили в тюрьме Флери-Мерожис – выбросили из окна. Одним из подвигов Бруно было ограбление магазина «Картье» на пляс Вандом. Бывший солдат Иностранного легиона, Шулак дожил лишь до двадцати восьми лет. Такой был крутизны человек.

Розика исчезла на несколько дней и появилась в синяках: на лице и скулах. На руке ее были дорогие часы, а в ушах – серьги с сияющими камнями. Я спросил, кто ее избил.

– Муж, – отвечала она. – Я застала его дома с тринадцатилетней проституткой. Я лишь раз ударила его, он избил меня. На следующий день он подарил мне часы и серьги. Настоящий «Картье».

Так я узнал, что Шулак ограбил «Картье». Чуть позже сообщение появилось в газетах.

– Давай уедем, – плача предложила она. – В Бразилию!

Я согласился было на Бразилию, но она в отчаянии вскричала, что он достанет ее и в Бразилии.

Однажды она позвонила мне и в панике закричала:

– Эдуард, он дал мне «Люггер» и приказал: «Сиди, смотри на дверь, если кто войдет, стреляй!»

– Что случилось? – спросил я.

– Как, ты не знаешь?! – удивилась она. – С утра об этом говорят по всем телеканалам. Сегодня было совершено убийство в кафе на Шанзелизе, четверых застрелили. Это кафе моего мужа, и это его люди были застрелены. Приезжай и забери меня, Эдуард!

Я согласился, но она сказала, что входит муж. И положила трубку.

Я поделился своим секретом с другом. Фотограф Жерар Гасто посоветовал бросить жену бандита:

Ж е н а б а н д и т а

– Ты что, самоубийца?

– Что же я буду за мужчина, если брошу?

Гасто покрутил пальцем у виска и сказал, что лучше считать себя трусом, чем стать трупом.

Я сказал, что она нежная и даже стыдливая, хотя и жена бандита, что отдельные позы она отказывается принимать в постели.

Судьба избавила меня, однако, от принятия решений. Бандит спрятался, и она вместе с ним.

А в декабре 1982 года ко мне прилетела Наташа Медведева. Розика зашла один раз, но у меня жила Наташа, и я не принял ее. Зашла еще, и опять была Наташа. Она перестала приходить. Впоследствии я видел ее на обложке двух-трех книжек. Дешевых детективов в бумажных обложках. На память о Розике у меня осталось тонкое серебряное колечко «Картье». Оно побывало со мной в тюрьме. Я ношу его на пальце-мизинце рядом с кольцом, подаренным Наташей.

Лиля и Таня

Первая истина: великие женщины – те, что сумели присоединиться к истории, найдя великого мужчину. Вторая истина: в великих женщинах никогда не утихает ревность.

С Лилей Брик меня, тщеславного молодого человека, познакомила в 1970 году поэтесса Муза Павлова. Муза, косматая, крючконосая, была похожа на ведьму в расцвете креативных сил: она привела меня в квартиру Брик и Катаняна и гордо представила как самородка из глубинки. Вдвоем они заставили меня читать стихи. И вот из недр квартиры на Кутузовском появилась Лиля. О, как она была размалевана всяческими синими тушами и тенями! Я подумал: вот не старуха, а клоун. Маленького роста, перепудренная, перекрашенная, одетая в цирковые какие-то индийско-цыганские тряпки (не

платье, не халат, не блузка и юбка, но сразу все вместе). Лиля села в кресло. «Вот уродица! – подумал я. – Как же Маяковский мог с нею...» Но тотчас вспомнил, что Маяковский влюбился в Лилю юную, лет пятьдесят пять тому назад.

Я бы, наверное, не стал поддерживать дальнейшие отношения со старой парой, если бы не Елена. Юную любовницу, а затем жену нужно было развлекать, выводить в свет, а какой свет можно было найти в Москве тех лет, больший, чем квартира интернациональной светской звезды Лили?! Лиля и Елена поддерживали отношения до самого нашего отъезда из России, причиной этих особых отношений была красота моей юной жены. Брик даже сделала стеснительную надпись на своем фото пятидесятилетней давности: «Леночке и Эдику, не очень красивая Лиля». То есть она публично признала, что была менее красива. Как-то Лиля неосторожно пообещала подарить Елене фамильный браслет, доставшийся ей от отца, придворного ювелира Кагана, но так и не подарила. Пожадничала, а точнее, сдалась своим воспоминаниям и сентиментам...

С Татьяной Яковлевой нас познакомил Иосиф Бродский. Привел как-то в начале 1975 года в brown-stone Либермана на 70-й улице. В гостиной, полной живых цветов, нас вначале развлекал Алекс, худой, с ниточкой усиков, похожий на отставного английского офицера арт-директор издательского дома Conde Nast. А затем к нам спустилась сверху Татьяна и оказалась таким же размазанным клоуном в неопределенных одеждах, какой была и Лиля. Татьяна сказала, что болеет, указала на свой покрасневший нос, продемонстрировала свой ржавый, якобы простуженный голос (впоследствии оказалось, что голос у нее всегда ржавый). Татьяна привычно оценила красоту Елены,

спросила у нас все, что спрашивают у эмигрантов. Бродский ушел, стали прощаться и мы. Я уверен, что это был бы наш первый и последний визит к Либерманам, если бы Елена не упомянула имя Лили. Она сообщила, что у нас есть фотографии с Лилей и Катаняном. Этим замечанием Елена, сама того не зная, решила нашу судьбу.

– Приходите ко мне завтра, – оживилась Татьяна. – Будут интересные люди. Аведон, Капоте... будет ли Энди? – обратилась Татьяна к Алексу. И к нам: – Приносите фотографии!

Алекс сказал, что Уорхолл будет.

Впоследствии я и Елена, вместе и порознь, были желанными гостями Татьяны. Ведь в России мы дружили с ее соперницей. Оказывается, даже если женщинам за семьдесят, они не перестают оценивать и оспаривать соперницу в борьбе за великого мужчину. Какая она? Нетактичный, молодой и злой, в первый раз на вопрос «какая?» я брякнул:

– Похожа на клоуна или на ведьму на детском утреннике.

– А я? – засмеялась Татьяна, затягиваясь сигаретой.

– Вы большая, – только и нашелся я ответить.

– Старые женщины, молодой Лимонов, охотнее выглядят клоунами – как куски преувеличенного искусства, – сказала Татьяна.

Себя Татьяна считала намного красивее Лили, но наделяла соперницу интеллектом много выше своего.

– Сестры Каган всегда умели выглядеть интересными, – сказала как-то Татьяна. – В борьбе за мужчину они не гнушались интригами. Эльза, чтобы завоевать Арагона, даже стала французской романисткой. А Лиля шла ради Маяковского на прямой шантаж.

Л и л я и Т а н я

Помню обед в нью-йоркской гостиной миллионера Гриши Грегори.

– Маяковский называл меня «Малая Антанга», – горделиво признался Грегори, когда мы ели суп под большой картиной Сальвадора Дали. – А за Лидой он ухаживал, да она ему не дала.

– А теперь вот жалею... – сказала красивая старая Лида.

Когда мы ехали с обеда, Татьяна закурила и сообщила:

– Иногда Лидочка напускает туману о своих отношениях с Маяковским... Делает вид, что, может быть, и дала...

Space Angel

Это история о загадочном существе по имени SADKO SPACE ANGEL, но не только о ней (или о нем, потому что я не уверен, какого оно пола). Шел 2001 год. Я находился под следствием в лефортовской камере. Два соседа: «радуец» Аслан Алхазуров и некто, прозванный мной Ихтиандром, разделяли мое заключение. Короткое московское лето прошло, нам перестали открывать на ночь окно, и совсем исчезло пространство. Ранее был виден кусок тюремного забора и некая деревянная башня за ним и пара желтых деревьев – отрада глаза. Теперь мутное стекло лишило нас пространства.

И вот мне принесли бандероль из Англии. Я понятия не имел, кто там в Англии выслал мне книги, одноразовый фотоаппарат «Кодак» и несколько дисков. Ясно, что фотоаппарат мне не разрешили,

диски тоже не разрешили, но мне принесли сразу три большие книги, все на английском. Толстое творение наркоторговца Ховарда Маркса о его семилетнем пребывании в американской тюрьме подняло мой дух, и без того, впрочем, не слабый. Иллюстрированный самоучитель под названием «Прояснение йоги» индийского копченого дядьки по имени Б.К.С.Айенгар должен был научить меня шестистам с лишним позам йоги, если справедливый российский суд сунет мне лет двадцать.

Но более всего меня порадовала книга «Лондон 60-х» в фотографиях. Потому что там была уйма пространства. Там были классные фотографии: юные «Роллинг Стоунс» в тесных полубубочках и смешных костюмах идут через парк с искаженными наркотиками лицами. Гроб Черчилля на лафете пушки в окружении четкого каре морских пехотинцев в белых шапочках, снимок сверху. Шестнадцатилетняя Сью Лайон, сыгравшая в фильме «Лолита» Лолиту, пришедшая на просмотр своего фильма впервые, так как в родных Соединенных Штатах не могла этого сделать ввиду возраста. И еще несколько сотен фотографий актеров, полицейских, гангстеров Ист-Энда, первых хиппи и первых скинов, фотомодели Твигги. О, как я наслаждался улицами Лондона, как, что называется, «ласкал глазами» Kings Road и Пикадилли, и Гайд-парк, вспоминая, как жил в Лондоне в 1980-м! Альбом был черно-белый, прекрасный альбом, целый мир, а не альбом. Пиршество богов, а не альбом, волшебная картонная дверь – выход из гнусной тюремной камеры.

SADKO прислала мне и письмо на русско-английском языке:

«Я узнала, Эд, что ты в тюрьме, и подумала, что тебе необходимо пространство. Вот посылаю тебе Лондон».

За первыми приношениями последовала целая, может быть, сотня открыток, книг и даже подушка! Подушку я потом возил с собой по всем моим тюрьмам и вышел с нею на волю. Вишневого цвета, на ней голый ангел с крыльями держит не то двух змей, не то ленты. Она прислала мне красную открытку со схематическим Че Геварой в берете, и я поставил открытку на тюремный столик – «дубок». Она прислала мне Будду. И сборник стихов, написанных от мужского «я», что впервые заставило меня подумать – с кем же, собственно, я переписываюсь, с «ним» или с «нею». По тем скудным сведениям, которые я себе собрал о ней из ее писем, выходило, что она живет с богатым человеком, у нее есть хорошо оборудованная студия для звукозаписи и для фотосъемок.

Она часто отправлялась в путешествия, откуда присылала мне красивые открытки. В одном из писем она призналась, что подростком читала мои книги. Из чего я разумно заключил, что Ангелу Пространства должно быть лет двадцать пять, ну до тридцати. Когда меня увезли в Саратов, то с небольшим перерывом открытки, и письма, и книги посыпались туда. Голубые Ницца, Сардиния, Корсика, пальмы и море...

Ближе к приговору она прислала мне предупреждение:

«У тебя наступает серьезное время, Эд! Держись!»

У нее у самой наступило, по-видимому, серьезное время. Ангел получила какую-то музыкальную премию за альбом Paradise, но рассорилась с богатым человеком. Во всяком случае, я так интерпретировал то обстоятельство, что она сменила адрес, точнее, обратного адреса у нее долгое время не было и вообще не появилось... Потом меня приговорили к

Space Angel

четырем годам, оправдав по трем статьям и осудив лишь за организацию приобретения оружия, и быстро перевели в лагерь.

По выходе на свободу я получил со склада мои вещи и смог увидеть некоторые фотографии Ангела. На альбоме Paradise Ангел смотрится и как «он» – мускулистые руки, крупные кисти рук, и как «она» – длинные волосы, прикрытые руками груди. На вкладке альбома Unpronounceable Feelings Ангел в шляпе, в кожаной куртке на голое тело, с гитарой выглядит явственно женственной, в вырезе куртки видны груди. Такое впечатление, что Ангел намеренно играет на своей сексуальной неопределенности. Ведь Ангел не человек.

Я написал ей несколько писем по старому адресу. И не получил ответа. Я написал письмо ее подруге, некоей Наташе с английской фамилией, и попросил сообщить Ангелу, что я разыскиваю ее, и передать ей мои телефоны. Через пару недель мне позвонила из Лондона эта самая Наташа и сообщила, что она понятия не имеет, где живет Ангел, что Ангел пропала, а по ее старому телефону отвечают, что она здесь больше не живет. Мне показалось почему-то неприличным задать Наташе вопрос о том, какого пола Ангел. Но, может быть, как-нибудь я выпью слишком много, позвоню в Лондон и задам этот вопрос. Впрочем, ответ на него вряд ли что изменит. Ангел помогла мне выжить в закопченных стенах тюрем, посылая приветы, теплые слова, яркие открытки и книги, в которых жило вечное и вольно плескалось пространство.

Спасибо тебе, Ангел мой. Если хочешь, я на тебе женюсь. Nobody's perfect.

Простая Love Story

В обычной жизни происходит немало любовных трагедий, достойных высокого стиля Шекспира, но их некому заметить и записать. Обыватель плохо помнит себя. В конце пятидесятых годов прошлого века в одном классе со мной, в харьковской средней школе № 8, учился Виктор Головашев. Это был небольшого роста молодой атлет, широкий в плечах, с первым разрядом по вольной борьбе. Ну, знаете, есть такой тип некрупных, которые компенсируют себя, становясь могучими. Развитой и современный, помню, Виктор мог страницами цитировать Маяковского. Я, начавший тогда писать стихи, был предметом его иронии. Девушки нашей школы были ему, по-видимому, неинтересны, и какое-то время я видел его одного. А в девятом классе появилась хромая Ванда, на два года старше

его. Она переехала жить в наш поселок из другого района и сразу приобрела репутацию загадочной девушки, каковых в Салтовском поселке было очень немного. Она поселилась с бабкой на отшибе, у самого часового завода, недалеко от русского кладбища. Ванда прихрамывала, даже одно время ходила с палочкой. Прямые волосы иностранной скобкой.

Фамилия у нее была польская. Вот за давностью лет я запомнил, какая, но фамилия ей была и не нужна. Мы звали ее Ванда. Родители у нее почему-то жили в Германии.

Училась она не в нашей школе, переехала в поселок из города, но переводиться к нам не стала. Ездила в прежнюю на трамвае. Ванда ходила в брюках, а тогда еще девушки не ходили в брюках. От трамвайной остановки она обыкновенно шла, сопровождаемая то одним, то другим парнем. О ней было известно, что соседи по дому видели ее пьяной и что иногда за ней приезжал взрослый мужик на черной «Волге». Мы, подростки, считали ее проституткой. Так и говорили, что Ванда – проститутка. Впрочем, вряд ли мы могли объяснить, что это такое.

Однажды я увидел, что Ванду провожает Витька. Дело в том, что путь от трамвайной остановки к ее дому проходил у меня под окнами. Вот я и увидел: идет Ванда, прихрамывает и насмешливо – видно было по выражению лица – разговаривает с Витькой. Видимо, она позволила ему дружить с ней, потому что впоследствии он стал проходить в моем окне все чаще и чаще с нею или от нее. Иногда он шел пьяный. Раньше с ним такого не случалось.

По окончании школы он поступил в Харьковское танковое училище. Как спортсмена его приняли с восторгом. В том же училище вместе с ним учился

другой парень из нашего класса – Ленька Коровин. Он стал в десятом классе на полметра выше, чем был в девятом. Уже после школы мне случайно встретился Ленька и сообщил, что Ванда теперь с Витькой, но и еще с какими-то мужиками встречается, а Витька страдает, пьет и рвется в квартиру, которую она делит с бабкой.

Впоследствии я выбрался с Салтовского поселка, жил в центре Харькова, а через три года и вовсе уехал в Москву и потерял все связи со школьными друзьями. Узнал лишь, что Витька и Ленька окончили училище, служат в одной танковой части, где-то в Средней Азии, и что Ванда женила Витьку на себе. Добилась-таки своего.

А потом был провал, то есть я уехал на Запад и пятнадцать лет не имел никаких сведений о ребятах и девушках с Салтовского поселка, уже ставших за это время пожилыми мужчинами и женщинами. В 1989 году Юлиан Семенов добился для меня разрешения приехать в СССР, и я, конечно, побывал в Харькове у родителей. Моя мать поведала мне конец грустной истории любви Витьки и Ванды.

Во всех внешних проявлениях Ванды – брюки, палочка, хромота, скобка волос – было нечто потустороннее и изломанное. Вероятнее всего, она компенсировала свою хромоту мужчинами. Насмешливо и как бы уступая восхищению ею, Ванда позволила Витьке жениться на ней.

И он увез ее с собой в Среднюю Азию. Военный городок находился в месте пустынном и далеком от больших городов. Да и малых не было поблизости. Ей, видимо, было страшно скучно, а она не желала ограничиваться одним витькиным восхищением. Ванда стала спать и с офицерами, и с солдатами гарнизона. Однажды Витька вернулся с дежурства раньше обычного и застал свою любимую голой, на